

Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Филологический факультет ТГУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов IV (XVIII)
Международной конференции молодых ученых
(20–22 апреля 2017 г.)

Выпуск 18

Том 2. Литературоведение

Издательство Томского университета
2017

Берсенева В.А., ТГУ, аспирант

Berseneva V.A., TSU, graduate student

Рецепция фантастической модели повести А. С. Пушкина «Гробовщик»

В. Ф. Одоевским

The reception of the fantastic model of Pushkin's story «Coffin maker» by Odoevsky
На материале повести В. Ф. Одоевского «Сказка о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем» показываются особенности рецепции фантастической модели повести А. С. Пушкина «Гробовщик».

Based on the story by Odoevsky's «The Tale of a dead body, is not known to whom belonging to» the peculiarities of reception of the fantastic model of Pushkin's story «The Coffin maker».

Ключевые слова: Пушкин, Одоевский, рецепция, гробовщик, фантастика
Key words: Pushkin, Odoevsky, coffin maker, reception, fantastic tales

Научный руководитель: Киселев Виталий Сергеевич, д-р филол.наук, доцент

Отношения А. С. Пушкина и В. Ф. Одоевского опосредуются литературными и журнальными интересами. Известно, что Одоевский идеализирует Пушкина, прислушивается к его советам. О прямом влиянии поэта на творческую систему Одоевского пишут П. Н. Сакулин, В. И. Сахаров, В. В. Розанов, Н. Ф. Сумцов, М. А. Турьян

С 1830-го по 1844 год Одоевский пишет и публикует основную часть своих произведений. Так что вышедшие в 1831 году «Повести Белкина», серьезно воспринятые Одоевским, могли повлиять в разной степени на каждое из них. Это особенно справедливо в отношении «Пестрых сказок», напечатанных в 1833 году. Во-первых, они собираются «сотрудником Белкина» Иринеем Гомозейко. Во-вторых, пишутся в схожем «сказочном» контексте. В-третьих, создание обоих циклов происходит в переломный момент жизни тридцатилетних авторов. В-четвертых, на родство с «Повестями Белкина» недвусмысленно указывает эпиграф, взятый из фонвизинского «Недоросля». И наконец, собрания повестей изначально мыслятся как целое и выходят в виде отдельных, красиво оформленных книг.

Пушкин адаптирует в «Повестях Белкина» сюжетно-фабульный строй баллады с идеей тяготеющего над людьми рока и мотивом вторжения потусторонних сил. Герой выделяется из толпы своим поведением, образом мыслей, происхождением и прочими «странностями». Он проходит испытание, кульминацией которого становится «смерть» и «воскресение». Одоевский, также следуя балладному сюжету, использует при этом пушкинский принцип синтеза реального и фантастического, разработанный автором в повести «Гробовщик» и в дальнейшем использованный в повести «Пиковая дама» (1834) и поэме «Медный всадник» (1833). П. Е. Фокин называет этот синтез «сном с размытыми границами» и выделяет в нем три структурных уровня: «1. Накануне сна – а) употребление персонажем вина; б) неотвязные мысли о чем-то; в) фиксация момента

засыпания; II. Сон – а) спящий «просыпается» и действует в привычной обстановке; б) включение фантастического элемента: явление видений и призраков; в) общение спящего с привидениями; III. После сна – а) глубокое впечатление от сна, которое долго не рассеивается; б) обращение к другому человеку за свидетельством о «ночных происшествиях»¹.

Одоевский перенимает не только эту общую схему, но и конкретные детали. В центр повествования помещает рядового человека, который в силу обстоятельств оказывается в новом непривычном для него месте. Герой встречается с незнакомцем, побуждающим к какому-то действию. Присутствует мотив пира: одинокого и многолюдного. Встреча с потусторонними силами, впоследствии объясняемая сном и пьянством – событие внезапное, глубоко потрясающее героя. Двойная мотивировка произошедшего изобличает изъясны как реальной действительности, так внутреннего состояния персонажа.

Наиболее близка к этой модели «Сказка о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем», входящая в цикл «Пестрые сказки». В ней есть не только прямые аллюзии на повесть «Гробовщик», но почти точные совпадения отдельных фраз.

Приказной Иван Севастьянович Благосердов из «Сказки о мертвом теле...» типологически сближается с гробовщиком Адрианом Прохоровичем Прохоровым, наделяется трудолюбием, сребролюбием. Оба героя пребывают в «домах-гробах». В доме гробовщика мертвое замещает живое: гробы стоят в гостиной, а на новоселье приходят мертвецы. «Переступая за незнакомый порог <...> гробовщик как бы переступает за порог смерти»², – замечает Вольф Шмид. Севастьяныч же едет в казенный дом, по всем характеристикам схожий с гробом. Во-первых, это «выморочная изба», то есть пустующий после смерти владельца дом. Во-вторых, в подвале этого дома лежит покойник. Произнесенное гробовщиком присловье «мертвый без гроба не живет» можно назвать основой сюжета жизни в гробу, выход из которого равносильен «воскресению».

Ужин Севастьяныча за штофом наливки двухчастен, что находит соответствие в двух «пирах» Прохорова: уединенном в новом доме и многолюдном в гостях у Шульцев. Первая часть ужина сопровождается одинокими размышлениями о своем ремесле. У Прохорова они печальны, так как связаны с убытками, настоящими и будущими: «Он предвидел неминуемые расходы, ибо давний запас гробовых нарядов приходил у него в жалкое состояние. Он надеялся выместить убыток на старой купчихе Трюхиной <...>»³. То есть смерть мыслится Прохоровым путем преодоления страха.

Тревоги Севастьяныча эпизодичны и связаны со скорой встречей с «ужасным призраком», как он определяет своего сердитого начальника. Героя в большей степени занимает процесс самолюбования, перемешанный с мечтательностью. Приказной понимает, что «<...> что без него бы погиб заседатель, погиб исправник, погиб и уездный судья, и уездный предводитель; что им одним держится древняя слава Реженского уезда <...> что он не только в приказе, но хват на все руки»⁴. Сознание собственной незаменимости, сам характер работы

отсылают также к пушкинскому чухонцу Юрко, «умеющему приобрести, не смотря на свое смиренное звание, особенную благосклонность хозяина»⁵.

У гробовщика подобная гордыня проявляется лишь на пиру ремесленников под воздействием выпитого вина как реакция на насмешливое предложение «выпить за здоровье своих мертвецов». «Что ж это, в самом деле, – рассуждал он вслух, – чем ремесло мое нечестнее прочих? разве гробовщик брат палачу? чему смеются басурмане? разве гробовщик гаер святочный?»⁶ Эти вопросы Прохоров задает, как будто, самому себе, не замечая ни присутствия, ни комментариев стоящей рядом работницы.

Герой же Одоевского действительно одинок в новом жилище: кроме мертвеца в подвале рядом никого нет. Ему не с кем поделиться приходящими на ум картинами домашней идиллии и наивными мечтами о силе Бовы Королевича или о поездке на «Кипрский остров» – мыслями, которые можно рассматривать как вариант дум Прохорова о «загробном мире». В то же время необычайная начитанность рядового приказного отсылает к самому автору, всесторонне образованному Одоевскому, который в образе Севастьяныча представляет свой вариант демократического героя.

Долгие думы ремесленников прерываются внезапным визитом соседей: немца Шульца и «иностранца» Цверсля-Джона-Луи. С этого момента начинается фантастическая часть – «испытание» в доме-гробе.

«Гробовщик»

«Сказка о мертвом теле...»

«Сии размышления были прерваны нечаянно тремя франмасонскими ударами в дверь»⁷.

«Его размышления были прерваны следующими словами, которые кто-то проговорил подле него»⁸.

Появление соседей маркируется внезапными слуховыми ощущениями: ударами в дверь и голосом ниоткуда. И гробовщику, и приказному «иностранный язык» дается с трудом: первый сразу обращает внимание на странности «русского наречия», а второй и вовсе «не может взять в толк» произносимое. Оба героя «не видят» своего собеседника. О внешности Шульца не сказано ни слова, также и описание Джона-Луи ограничивается «каким-то лицом без образа». Однако воображения героям не занимать, ведь услышанные во сне «исповеди» покойников фактически придуманы самими сновидцами. Джон-Луи и Шульц подкрепляют в собеседниках чувство собственной значимости: в ходе разговора выясняется, что гробовщик дает вечное пристанище для тела, а приказчик – временное для души. Надо полагать, отсюда внимательность и благосклонность к просьбам случайных гостей: приглашению в гости и содействию в возвращении тела «владельцу».

За «мертвым телом» стоит также образ мертвеца Курилкина – «православного мертвеца», приглашенного на новоселье гробовщика. С ним связан мотив узнавания, причем в «Сказке о мертвом теле...» – узнавания ложного. Курилкин

ужасает Прохорова, когда напоминает обман с продажей гроба, но особенно при попытке дружеских объятий. Севастьяныч же противится мысли о призрачности незнакомца, обещающего деньги, ищет правдоподобное объяснение каждому сказанному слову, усматривает только лишь «противоречие», но не испытывает никакого страха и так и не распознает в госте потустороннее существо.

Обращает на себя внимание однотипная схема пробуждения, которая неоднократно задействуется Одоевским в последующих повестях.

«Гробовщик»

«Сказка о мертвом теле...»

«Солнце давно уже освещало постелю, на которой лежал гробовщик. Наконец открыл он глаза и увидел перед собою работницу, раздувающую самовар. С ужасом вспомнил Адриан все вчерашние происшествия»⁹.

«Когда он проснулся, ночник погас и утренний свет пробился сквозь обтянутое пузырьём окошко. С досадою он взглянул на пустой штофф, пред ним стоявший; эта досада выбила у него из головы ночное происшествие»¹⁰.

Если пушкинского Прохорова успокаивает и радует своими объяснениями добродушная работница Аксинья, то героя Одоевского неприятно поражают крик и насмешки заседателя и лекаря, советов которых он не слушает. В памяти возобновляется забывшееся к утру ночное событие, и просьба мертвеца воспринимается серьезно. Однако никто не выполняет требований приказного не вскрывать и не хоронить покойника.

Так или иначе Прохоров и Благосердов пересматривают свое положение в мире. Гробовщик «воскресает»: примиряется с домашними и соседями. Нелучайно пробудившемуся герою объявляют, что он сегодня «частный именинник». В «Сказке о мертвом теле...» окончание «сего происшествия» угадывается в контексте или скорее на контрасте с пушкинской историей. Здесь «воскресения» не происходит. Севастьяныч словно умирает для окружающего мира, становясь по отношению к нему «слепым» и «глухим», и начинает компенсировать свою социальную ничтожность «величием» в мире вымышленном.

В последующих повестях Одоевский существенно изменяет смысловое содержание узловых моментов, особенно, кульминации и финала. Постепенно автор вырабатывает свою собственную фантастическую стратегию, делая акцент на реалистичности фантастики за счет расширения сферы фантастического, укрупнения фабульных элементов пушкинской схемы, а также использования разных типов героев (простонародных и светских, взрослых и детей). Так, например, в «Бригадире» (1833) диалог с мертвецом составляет уже основу сюжета, в «Космораме» (1839) мертвец оживает в прямом смысле слова, а в «Насмешке мертвеца» (1834) дается развернутое «рациональное объяснение» фантастических видений. Необычное событие теперь показывается как вполне допустимое, даже обыденное. Впрочем, такая «эволюция» тоже может

быть результатом прочтения нефантастических, но при этом маловероятных даже с точки зрения современников «Повестей Белкина».

¹ Фокин П. Е. Морфология «сна с размытыми границами» в повестях А. С. Пушкина // Внимая звуку струн твоих...: сборник статей. Калининград, 1992. – С. 50-51.

² Шмид В. Дом–гроб // Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина». СПб, 1996. – С. 277.

³ Пушкин А. С. Гробовщик // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Ленинград, 1978. – Т. 6. – С. 82.

⁴ Одоевский В. Ф. Сказка о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем // Одоевский В. Ф. Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринею Модестовичем Гомозейкою, магистром философии и членом разных ученых обществ, изданные В. Безгласным. СПб, 1996. – С. 19.

⁵ Пушкин А. С. Указ соч. С. 83-84.

⁶ Там же. С. 85.

⁷ Там же. С. 82.

⁸ Одоевский В. Ф. Указ соч. С. 21.

⁹ Пушкин А. С. Указ соч. С. 87.

¹⁰ Одоевский В. Ф. Указ соч. С. 24.

В. Багоцци, Римский государственный университет Ла Сапиенца, магистр

V. Bagozzi, Rome State University La Sapienza, post-graduated student

Почему же Яков Петрович Голядкин не дрался на дуэли?

Why Mr. Jakov Petrovič Galjadkin doesn't challenge his opponent to a duel?

В статье анализируется образ “маленького человека”, определённые психологические черты героя «Двойника» Ф. М. Достоевского, доказывается, что его можно отнести к этому образу. Психология Голядкина описана на базе теории Р. Жирара, проведено его сравнение с фигурой идеального дуэлянта.

The article analyzes the image of the «little man», certain psychological features of the hero of the «Dvojnika» by F.M. Dostoyevsky, and proves that it can be attributed to this image. Golyadkin's psychology is described on the basis of the theory of R. Girard, his comparison with the figure of the ideal duelist is made.

Ключевые слова: дуэль, маленький человек, Двойник.

Key words: duel, malen'kij čelovek, the double

Научный руководитель: Стефано Алоэ, доцент русской литературы и славяноведения при Университете г. Вероны

Дуэль является одной из доминант сюжетной линии в литературных произведениях, что, с точки зрения культуры и менталитета, свидетельствует о его значимости. Следует отметить, что дуэль рассматривались в работах В. Кьернана «The duel in European history: honor and the reign of aristocracy»(1988), И. Рейфман «Ритуализованная агрессия, дуэль в русской культуре и литературе»